

Къ былинѣ о бое Ильи Муромца съ сыномъ.

Былина о бое Ильи Муромца съ сыномъ, крестнымъ сыномъ племянникомъ, дочерью—одна изъ самыхъ популярныхъ былинъ русского богатырского эпоса. Въ печати извѣстенъ 21 пересказъ этой былины; моя поѣзда и А. Д. Григорьевъ на Бѣлое море въ 1899 г. прибавила къ этому количеству еще 7 новыхъ записей¹⁾. Изъ 28 извѣстныхъ мнѣ вариантовъ 12 приходятся на Олонецкую губернію, 10 на Архангельскую, 2 на Сибирь, 3 на Симбирскую губернію и одинъ на Воронежскую²⁾. О популярности этой былины свидѣтельствуетъ также то, что ся сюжетъ, съ небольшими измѣненіями, является въ цѣломъ рядѣ другихъ былинъ. Однѣ изъ нихъ представляютъ довольно близкія варианты основного сюжета: бой Ильи съ Алешей Дородовичемъ³⁾, Жидовиномъ, молодцемъ изъ Задонской земли (моя запись); въ другихъ замѣтна болѣе сильная переработка; таковы—о бое Ильи съ Добрыней, Добрыни съ Дунаемъ (моя запись) или съ Алешей⁴⁾, Добрыни съ сыномъ⁵⁾, Саура Леванидовича съ сыномъ, о королевичахъ изъ Крякова, о братьяхъ Дородовичахъ. Насколько интересовала былина обь Ильѣ Муромцѣ и его сынѣ народъ, настолько же

¹⁾ 3 мои и 4 г. Григорьева; всѣ эти записи вошли въ печатающійся теперь сборникъ „Бѣломорскихъ былинъ“.

²⁾ Изъ Вологодской губ. извѣстенъ крайне сокращенный и искаженный провансійский пересказъ этой былины: Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, подъ ред. Харузинъ, II, 170, № 3. (Труды Этнogr. Отдѣла, т. XI, в. 1).

³⁾ Гильбердинъ, № 250.

⁴⁾ Ib., № 49, первая половина.

⁵⁾ Ib., № 65, тоже; Рыбниковъ, III, 79—81.

вопросъ объ ея происхождении заинтересовалъ изслѣдователей русскаго народнаго эпоса. Буслаевъ, Орестъ Миллеръ, академикъ Веселовскій, проф. В. Ф. Миллеръ, проф. Халанскій удѣлили этой былинѣ значительное количество страницъ въ своихъ работахъ по русскимъ былинамъ. Отличительною чертою всѣхъ изслѣдователей этой былины является то, что они останавливались преимущественно на сюжетѣ ея, такъ или иначе объясняя его появление на русской почвѣ, и почти не затрагивали вопроса о национальной переработкѣ его—откуда бы онъ ни попалъ на эту почву,—иначе сказать, вопроса о мѣстѣ и времени сложенія русской былины.

Сколько мнѣ известно, только два изслѣдователя коснулись, и то слегка, исторической основы обстановки, при которой совершается столкновеніе Ильи съ сыномъ; это именно—пограничная застава, на которой стоять русскіе богатыри во главѣ съ Муромцемъ. Г. Квашинъ-Самаринъ¹⁾ видѣлъ въ этой заставѣ южная степная укрѣплевія временъ князя Владимира, которые состояли изъ тыва, тянущагося непрерывною цѣпью между городками и охраняемаго постоянной стражей. Проф. Владимировъ²⁾ для объясненія богатырской заставы приводитъ лѣтописныя извѣстія о „княжескихъ стоянкахъ съ полками на границѣ съ половецкимъ полемъ по цѣлому лѣту (1192—3 гг.), чтобы стеречи землю Русскую“. Какъ южная степи, говорить онъ далѣе, еще въ XIV—XVII вв. сохраняли дотатарскія преданія въ географическихъ названіяхъ и обычаяхъ сторожевой службы, такъ былины сохранили память о „боевой жизни въ полѣ Полоцкому, на заставѣ противъ степняковъ“. Но какъ мѣстные степные названія, приводимыя авторомъ (сторожа Святогорская, сторожи въ полѣ), такъ и специальный терминъ для обозначенія защиты русскихъ границъ отъ набѣговъ степныхъ кочевниковъ „сторожевая служба“ не имѣютъ прямого отношенія къ былинѣ, въ которой говорится

¹⁾ „Бесѣда“ 1871 г., V, 234—5. Указание его принимаетъ и проф. А. Соболевскій, прибавляя, что „сходныя заставы въ древности должны были существовать и въ Муромо-Рязанской землѣ, также граничившей со степью“ („Живая Страна“, г. II, 1892, вып. II, 121, прим. 2). О „сторожевыхъ пограничныхъ стоянкахъ“ въ X—XIV вв., какъ обѣ исторической основѣ богатырской заставы, упоминаютъ также Л. Майковъ: О былинахъ Владимира циклъ, 79.

²⁾ Введеніе въ Петербургской Русской Словесности, 217, 221—2.

о заставѣ, а не о сторожахъ. До насъ дошло значительное количество официальныхъ указовъ, доношений и расписей, относящихся къ сторожевой службѣ на стенной украинѣ Московскаго государства (второй половины XVI в. и XVII в.¹⁾), и ни въ одномъ изъ этихъ документовъ слово *застава* даже не упомянуто. Съ другой стороны, если предположить, что наша былина возникла въ южныхъ степяхъ въ московскую эпоху, то было бы болѣе чѣмъ странно видѣть атамана городовыхъ казаковъ, станичную голову въ лицѣ Ильи Муромца, который въ одну изъ своихъ поѣздокъ съ такимъ презрѣніемъ отнесся къ заступившимъ ему дорогу станичникамъ, что даже не сталъ съ ними биться и не принялъ ихъ „въ холопство вѣковѣчное“, назвавши ихъ ворами-разбойниками, плутами-подорожниками²⁾). Впрочемъ, въ отдельныхъ вариантахъ былины о боѣ Ильи Муромца нетрудно замѣтить насленія эпохи XVI—XVII вв., черты казацкаго быта. Такъ, иногда Илья называется донскимъ казакомъ³⁾ и атаманомъ⁴⁾; на заставѣ является податаманъ⁵⁾ и есаулъ⁶⁾. Но основной изводъ былины возникъ не въ южно-русскихъ степяхъ и въ болѣе раннюю эпоху. Я постараюсь хотя бы приблизительно определить время и мѣсто возникновенія этого основного извода.

Дѣйствіе былины происходитъ на пограничной *заставѣ*; разсказомъ о заставѣ открываются 6 пересказовъ Олонецкой губерніи, 6 пересказовъ Архангельской и 2 пересказа, записанные въ Воронежской и Томской губерніяхъ⁷⁾; что упомянутіе заставы принадлежало первоначальному виду нашей былины, признаетъ и В. О. Миллеръ⁸⁾. Историческая справка показываетъ, что это

¹⁾ „Чтениа въ И. О. Исторія и Древностей Росс.“ 1846, № 4: О сторожевой, станичной и полевой службѣ на польской украинѣ Московскаго государства, *Бѣлляева*, стр. 11—7, 27—9, 46—54; Источники, стр. 5—86.

²⁾ Кирѣевскій I, 20, 24, 40; VII, Доп., 8; Рыбниковъ, III, 40, 50; Гильфердингъ, №№ 221, 266, 271, 287, 291 и 305.

³⁾ Рыбниковъ, II, 345; запись г. Григорьева, № 8.

⁴⁾ Кирѣевскій, I, 46=IV, 6; IV, 12; записи г. Григорьева № 1 и моя № 98.

⁵⁾ Кирѣевскій, I, 46, 52.

⁶⁾ Ibid, 46; записи г. Григорьева, № 1.

⁷⁾ Рыбниковъ, I, 75; II, 345; Гильфердингъ, №№ 77, 246, 250, 265; Кирѣевскій I, 7, 52; IV, 6, 12; VII, Доп., 1; записи г. Григорьева, №№ 1, 26; моя запись, № 98.

⁸⁾ Экскурсы, 138.

слово употреблялось преимущественно по отношению къ отрядамъ, помѣщавшимся на литовской границѣ для защиты русскихъ областей. Въ первый разъ оно встречается въ Ипатской лѣтописи подъ 1205 г., когда литовцы и ятвяги, напавшіе на Волынское княжество, встрѣтили тамъ заставу въ г. Уханяхъ; въ 1368 г. Ольгердъ и Кейстутъ по дорогѣ къ Москвѣ побили „московскую“ заставу на рекѣ Тростнѣ¹⁾ (вероятно,—теперешняя Трошанка, правый притокъ Днѣпра, выше Друти). Замѣтимъ, что въ одномъ пересказѣ нашей былины²⁾ (а также во вставкѣ отсюда въ былину о неудавшейся женитьбѣ Алеши Поповича³⁾) застава называется именно „Московскою“, причемъ противникъ Илья, въ данномъ случаѣ—его дочь, родомъ изъ Литвы. Упоминаются и литовскія заставы⁴⁾: въ литовско-русской лѣтописи говорится о „Лядской заставѣ“, находившейся во второй половинѣ XIV в. въ Виленскомъ округѣ⁵⁾; въ 1484 г. литовскій король для защиты своихъ владѣній отъ Москвы поставилъ въ Смоленскѣ заставу въ количествѣ 10 тысячъ человѣкъ, которая стояла почти цѣлый годъ⁶⁾. Гораздо рѣже встречается упоминаніе пограячныхъ заставъ для защиты Московскаго государства отъ татарскихъ набѣговъ; я могъ найти только два такихъ мѣста: въ 1468 г. московскій в. князь разослалъ заставы въ Муромъ, Нижній Новгородъ, Кострому и Галичъ⁷⁾; въ 1528 г. упомянута застава близъ Оки противъ крымскаго хана. Наконецъ, однажды заставой названо шведское войско, защищавшее въ 1496 г. Выборгъ отъ нападенія новгородцевъ⁸⁾.

Посмотримъ теперь, гдѣ былины помѣщаются богатырскую заставу. Большинство вариантовъ (9) говорить, что она стояла

¹⁾ Срезневскій, Матеріалы для словаря древнерусского языка, I, 917.

²⁾ Рыбниковъ, I, 66—Гильфердинъ, № 77.

³⁾ Гильфердинъ, № 118—Кирьевскій, II, второе изд., 98.

⁴⁾ Между прочими и городскія: въ 1503 г. Витебску быть данъ привилей, которымъ приказывалось „въ заставу нигдѣ витеблянъ не сажати“. Срезневскій I. с.

⁵⁾ Ученые Записки Второго отд. И. Академія Наукъ, кн. I, отд. III, 37.

⁶⁾ Срезневскій, I. с. Ср. въ одномъ пересказѣ у Кирьевскаго, IV, 12: „стояли за Кіевомъ по три года“.

⁷⁾ Польское собрание русск. лѣтописей, VI, 187—VIII, 152—Русская лѣтопись по Николову списку, ч. VII, 4.

⁸⁾ Срезневскій, I. с.

около Кієва ¹); два прибавляють: у Днѣпра или за Днѣпромъ ²). Мяѣ это пріуроченіе, кажется слишкомъ эпическимъ, чтобы на него опереться: заставу во главѣ съ Ильей Муромцемъ, исконнымъ кіевскимъ богатыремъ, каждый пѣвецъ легко могъ перенести подъ Кіевъ и даже покѣстить въ Кіевъ или за три версты отъ города ³), что во имѣть уже никакого смысла. Два пересказа ⁴) помѣщають заставу между Кіевомъ и Черниговомъ, двумя эпическими городами, вѣроятно, ничего не говорящими сознанію пѣвца. Гораздо болѣшаго вниманія заслуживаютъ три пересказа, записанные на Кѣнозерѣ ⁵) и помѣщающіе заставу „на Латинской дорогѣ“. Что это за дорога? очевидно,—тотъ путь, которымъ приходили къ намъ западные купцы; пользуясь старыми извѣстіями, можно нѣсколько точнѣе опредѣлить этотъ путь. Не говоря о церковныхъ, напр., полемическихъ сочиненіяхъ, гдѣ „латинскимъ“ называлось все католическое, слово „латина“ употреблялось преимущественно или по отношенію къ иностранцамъ, приходившимъ по Двинѣ въ Полоцкую область и Смоленскъ, или по отношенію къ остзейскимъ нѣмцамъ ⁶). Въ торговыхъ договорахъ 1229 и 1265 г. „латинскими гостями“ и „Латинскимъ языкомъ“ названы дніпскіе купцы ⁷); подъ 1271—2 гг. „поганой латынью“ называются ливонскіе рыцари ⁸); въ псковскомъ сказаніи о князѣ Довмонтѣ такъ названы нѣмцы и шведы, нападавшіе на Псковъ ⁹). Латинская дорога упоминается и въ другихъ былинахъ обѣ Ильѣ Му-

¹) Кирпевскій, I, 43 (=IV, 6), 2; IV, 12; Рыбниковъ, I, 75, 81 (=Гильбердинъ, № 46); II, 345; Гильбр., № 114; записи г. Григорьева, № 1, моя, № 98.

²) Кирпевскій, I, 8; VII, Доп., 1.

³) Запись г. Григорьева, № 1; Рыбниковъ, I, 75.

⁴) Кирпевскій, I, 52; моя запись № 98.

⁵) Гильбердинъ, №№ 246, 250 и 265.

⁶) Латинскіе жеребцы упоминаются въ былинахъ о Чурилѣ: В. Миллеръ, Очерки, 194; Рыбниковъ, III 123—4; о Ставрѣ: Тихонравовъ и Миллеръ, I, 54—6; латинскіе кони—ъ двухъ былинахъ изъ Нижегородской губ.: Кирпевскій, I, 38; II, 93; латинскія сѣда—въ былинѣ о Чурилѣ: Рыбн. I, 266.

⁷) Нансерскій, Русско-ливонскіе акты, 430—3; Собр. Госуд. Гр. и Дог. II, 4 „Латинскій языкъ“ для обозначенія народовъ, населявшихъ бассейнъ Балтийскаго моря, встрѣчается и въ Новгородскихъ грамотахъ XIII в. Аристофъ Промышл. древней Руси, 200, 233.

⁸) Софійскій Временникъ, I, 284—5.

⁹) П. С. Р. Л. V, 7, 51.

ромцѣ, записанныхъ на Кенозерѣ, но въ эти былины она попала, несомнѣнно, изъ былинъ о боѣ Ильи съ сыномъ: въ одной былинѣ¹⁾ Латынская дорога упоминается въ связи съ богатырской заставой; въ другой²⁾—она помѣщена между Киевомъ и Царьградомъ; въ третьей³⁾—она ведеть къ станичникамъ, которые, какъ известно, оберегали южнорусскія степнныя окраины. Важно отмѣтить, что въ записанной тамъ же былинѣ обь Ильѣ и Калинѣ богатырь бѣтъ съ татарами на „дорожкѣ Латышкиной“⁴⁾, которая могла зайти въ эту былину изъ былины о боѣ Ильи съ сыномъ, а это довольно точно свидѣтельствовало бы о мѣстѣ дѣйствія послѣдней былины.

Лѣтописныя свидѣтельства о погравичныхъ заставахъ и указаніи былины на Латинскую дорогу, какъ мѣсто ея дѣйствія, отводятъ насъ въ западно-русскія области; болѣе точныхъ указаний можно ожидать, если мы узнаемъ національность противника Ильи Муромца. Въ трехъ пересказахъ взъ Симбирской губ.⁵⁾, крайне искаженныхъ и скомканыхъ въ 18—32 стиха, онъ опредѣленно называется „татарченкомъ-бусурманченкомъ“; но это назначеніе могло быть приноровленіемъ къ эпической біографіи Муромца, постоянно врага татаръ, и такъ какъ оно встрѣчается лишь въ пересказахъ Симбирской губ., гдѣ татары до сихъ поръ хорошо знакомы населенію, его нельзя возводить къ основному изводу былины. Въ варианѣ Воронежской губ.⁶⁾ сынъ Ильи называетъ свою мать полькой. Орестъ Миллеръ⁷⁾ понимаетъ это название не въ этнографическомъ смыслѣ: „думаю, говорить онъ, что полька тутъ—въ смыслѣ полякующей, поляницы“. Я не вижу основавшій для такого предположенія; пѣвецъ могъ замѣнить, можетъ быть, не совсѣмъ удачно, этимъ возваніемъ другое, ставшее уже вѣпонятіемъ. Подобныя замѣны встрѣчаются и въ лѣтописяхъ: такъ, Густинская лѣтопись подъ 1106 г. вмѣсто Зими-

¹⁾ Гильфердингъ, столб. 1136.

²⁾ Ibid., 1148.

³⁾ Ib., 1052.

⁴⁾ Ib., 1271.

⁵⁾ Кирьевскій, I, 2, 3, 5.

⁶⁾ Ibid., VII, Прил., 3.

⁷⁾ Илья Муромецъ и богатырство кievское, 38—9.

голы поставила болѣе известное литовское племя Жмудь¹⁾). Такой же попыткой замѣнить старое ставшее непонятнымъ название другимъ, болѣе знакомымъ, можно считать производство дочери Ильи, съ которой онъ бѣтесь, изъ Литвы. Какъ я указалъ выше, это производство встрѣчается въ той единственной былинѣ, которая называется заставу „московской“; эти названія могли войти въ былину въ XIV—XV вв., въ эпоху усиленной борьбы Московского государства съ Литвой.

Какой же національности была та иностранка, отъ связи которой съ Ильей родился сынъ, впослѣдствіи противникъ своему отцу? Чаще всего она называется бабой Латыоржой, съ различными искаженіями, о которыхъ я скажу далѣе. Это название, какъ и многое другое въ нашемъ эпосѣ, до сихъ поръ оставалось неразъясненнымъ, несмотря на то, что оно интересовало многихъ изслѣдователей русского эпоса²⁾. Одно изъ племенъ, перечисленныхъ Начальнымъ лѣтописнымъ сводомъ, Лѣтъгола (теперь латышы), въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, относящихся къ XIII в. и къ первой половинѣ XIV, носитъ название Лотыголы и Латыголы; первая Псковская лѣтопись называетъ его подъ 1228 г. Латыгорой³⁾ („Латыгору“—вин. пад.), подъ 1341 г. Лотыгорой и Латыгорой (имен. Латыгора и Лотыгори, род. Лотыгорей, вин. Лотыгору и Лотыгорѣ, твор. съ Лотыгорою, мѣстн. въ Лотыгорѣ); Никоновскій сводъ подъ 1341 г. упоминаетъ „Латигору“⁴⁾. Т. Биленштейнъ (к которому осталась неизвѣстна „Латигора“ Никоновской лѣтописи) склоненъ объяснять это рѣтѣмъ, что лѣтописецъ

¹⁾ П. С. Р. Л. II, 287.

²⁾ Мнѣніе Безсонова въ замѣткѣ IV вып. пѣсень Кирпьевскую и во II т. Рыбниковъ (стр. CVI); Буслѣева въ „Русскомъ Вѣстнику“, т. XL, стр. 29; академика Веселовскаго въ „Сборнику отдал. Русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ“, т. XXXVI, № 3, стр. 337—8; Ореста Миллера—Илья Муромецъ и богат. кievskое, 19, 26, 30.

³⁾ Проф. Соболевский (Этнографическое Обозрѣніе, кн. VIII, 1891 г., стр. 254) привлекаетъ эту форму къ объясненію не Латыгорки, но камня Латыря, въ которомъ онъ видитъ (предполагаемое) название одной изъ латышскихъ горъ, забывая о томъ, что Латырь составляетъ принадлежность апокрифической литературы и что въ былинѣ онъ попалъ изъ стиха о Голубиной книжѣ (см. вполнѣ убѣдительное объясненіе акад. Веселовскаго: Разысканія въ области русск. дух. стих. III—V, Спб. 1881, стр. 24).

⁴⁾ П. С. Р. Л. IV, 178, 186; X, 213, си.

или тотъ, кто передавалъ ему извѣстіе, смысла названіе племени съ возваніемъ одного мѣстечка въ Лифляндской губ., называвшагося въ XIII в. Lethegore (теперь латыш. Lēdurga, нѣм. Loddiger¹). Но 1) форму Латыгора мы находимъ въ разныхъ лѣтописяхъ и подъ разными годами; 2) рѣзко отличать до сихъ поръ въ названіи деревни Тверской губ., Вышневолоцкаго уѣзда Латыгорева²) (отъ Латыгоръ, ср. въ лѣтописи множ. ч. Лотыгори), наряду съ л. въ имени другого селенія, Могилевской губ., Сѣнинскаго у. Лотыголь³). На этихъ основаніяхъ въ этой формѣ недѣлзъ видѣть что-нибудь случайное, и всего естественнѣе объяснять ее русской народной этимологіей, примѣры которой мы увидимъ далѣе въ различныхъ осмысленіяхъ „Латыгорки“.

Въ двухъ пересказахъ нашей былины мы встрѣчаемъ наряду съ Латыгоркой другое название — Семигорка: „Семигбрка, баба Владымерка“ или „Владимирка“⁴). Что такое *Семигорка*? спрашивается *Op. Миллеръ*⁵): онѣбкой ли тутъ число 7, или же этимъ намекается на какое-нибудь... *семигорie?*⁶ Дѣйствительно, это название напоминаетъ Семигоры, село Киевской губ., Каневскаго у., па р. Роси, существовавшее еще въ XVI в.⁶); но это село всегда было (мало)русскимъ, тогда какъ Семигбрка-Латыгорка представляется иностранкой. Сопоставленіе этихъ двухъ именъ, какъ-бы покрывающихъ одно другое, заставляетъ искать Семигорку среди литовскихъ племенъ. Въ Начальной лѣтописи созвучное съ нею племя носить название Зимголы, Зимиголы, Замѣголы; оно упоминается два раза при перечисленіи племенъ, а затѣмъ подъ 1106 г.⁷). Впослѣдствіи русскіе лѣтописи ничего не говорятъ о Зимиголѣ, и мы не знаемъ, какъ русскіе называли это племя въ XIII—XIV вв. Въ западныхъ источникахъ наряду съ формами, въ

1) *Bielenstein*, Die Grenzen des lettischen Volkstamms, и пр. St.-P. 1892, стр. 53, 470, прим. 53.

2) Тверская губернія. Списокъ населенныхъ мѣстъ. Саб. 1862, стр. 127, № 4046.

3) *Барсевъ*, Очерки русской историч. географіи, 344, 43.

4) *Рыбниковъ*, II, 349 (отъ Петра Корнилова); *Гильбердинъ*, № 114 (отъ Семена).

5) *Op. с.*, 27.

6) *Семеновъ*, Географическо-статистический словарь Росс. вип. IV, 549.

7) П. С. Р. Л. I, 2, 5, 120; V, 82, 84; VII, 20, 261, 264; IX, 2, 5, 140; XV, 18, 22; XVI, 8, и друг.

которыхъ звучить *z*, мы находимъ и формы съ *s*: въ латинскихъ хроникахъ и актахъ, относящихся къ XIII—XIV вв., постояннымъ написаниемъ является *Semigallia*, *terra Semgalle*, *Semigalli*, *Semigallensis*¹⁾. Въ одномъ литовско-русскомъ актѣ 1588 г. упоминается „Семигальская земля“ (вмѣстѣ съ Жомойтской и Ифлянтской²⁾). Если эта форма была лишь мѣстнымъ, литовскимъ³⁾ возваніемъ, все же она свидѣтельствуетъ о томъ, что позднѣе XII в. русскіе могли называть Зимиголу нѣсколько иначе: какъ Лѣтъгола Начальной лѣтописи впослѣдствіи звучала какъ Лотыгола⁴⁾, Латыгола, Латыгора,—такъ и Зимигола могла называться Семиголой, что могло быть осмыслено въ „Семигору“. Объясняя такимъ образомъ „бабу“ нашей былины, я исхожу изъ предположенія, что въ основномъ изводѣ она называлась Латыгоркой-Семигоркой, причемъ слагатель былины смѣшивалъ эти два литовскія племени, къ чему былъ поводъ какъ въ ихъ сосѣдствѣ между собою, такъ и въ созвучіи названій. Совершенно аналогичное смѣшеніе мы находимъ въ былинѣ о Дунаѣ, гдѣ чахове-ляхове и король шаховинскій-ляховинскій⁵⁾ представляются людьми одной національности.

1) *Scriptores rerum Livonicarum I. Riga und Leipzig. 1853. 52, 140, 296.* и пр.; *Ser. reg. Prussicarum II. Leipzig. 1863. 60, 141; Bunge, Liv-Esth- und Curländisches Urkundenbuch I. Reval. 1853. 50, 223, 716* и пр.; II, Heft 7 Riga. 1873. 615, 629; *Bielenstein*, оп. с., 128 и слѣд., 447 и слѣд.

2) *Страгісъ*, Географический словарь древней Жомойтской земли XVI столѣтия, 289; *Bielenstein*, оп. с., 133.

3) И при этомъ—официально-старинныхъ, т. е. географическихъ названіяхъ (полей, имѣній, округовъ) конца XVI в. показываютъ, что народнымъ названіемъ было —Же(й)игола.

4) Этой формѣ соответствуетъ латинское написаніе *Letthigallia* (у Генриха Латыша подъ 1208: *Scriptores rerum Livonicarum*, I, 118, 122, 126), между тѣмъ какъ Лѣтъголѣ отвѣчаютъ формы: *Lettgalli*, *Lettgallia*, иѣм. *Lettgallen*, (*ib.*, 96; *Ser. reg. Prussicarum*, II, 835; *Runge*, оп. с., II, Heft 7, стр. 745).

5) Извѣстія Отдѣленія русск. языка и словесн. И. Академіи Наукъ, т. V (1900 г.), кн. I, стр. 72, прим. 4. Высказанные здесь мною догадки относительно тождества географического названія, встрѣчающагося въ былинѣ о Васильевицѣ, „Шахова-Лякова“ съ землей Чаховой-Ляжовой недавно подтвердились. Въ варианѣ той же былины, записанномъ А. Д. Григорьевымъ лѣтомъ 1900 г., соответствующее место читается такъ:

„Были мы (туры), матушка, во Шахови,
Во Шахови были да во Ляхови;
Во подноце де прошли да столиней Киевъ-градъ“.

Теперь я нѣсколько остановлюсь на варіантахъ названій Латыгорки и Семигорки. Въ трехъ былинахъ, записанныхъ мною на Зимнемъ берегу Бѣлого моря ¹⁾, баба называется Латынгоркой (однажды пѣвецъ назвалъ ее Латынкой) и въ одномъ пересказѣ помѣщается на Латынскихъ горахъ; этотъ пересказъ не упоминаетъ о заставѣ и, вопреки всѣмъ другимъ, начинается разсказомъ о самой бабѣ:

Што на тихъ было горахъ на Латынскихъ жа,
Какъ у той же было бабы у Латынгорки
А какъ было у ей да-чадо милоѣ, и пр.

Если мы припомнимъ, что другіе пересказы открываютъ заставой, которая помѣщается, по нѣкоторымъ изъ нихъ, на Латынской дорогѣ, то нетрудно догадаться, что пѣвецъ осмыслилъ непонятное название болѣе знакомой ему латынкой ²⁾, можетъ быть, заимствовавъ это слово изъ разсказа былины о заставѣ на Латынской дорогѣ. Мезенскій пересказъ ³⁾ называетъ любовницу Ильи Златынгоркой ⁴⁾). Сопоставленіе такой формы съ златомъ, золотомъ даетъ новое искаженіе: сынь ея оказывается родомъ изъ Золотой орды ⁵⁾, при чёмъ онъ въ то же время остается уроженцемъ „Западныхъ странъ“ или „Сиверной страны“ ⁶⁾. Въ нѣкоторыхъ олонецкихъ пересказахъ „баба“ называется Латымиркой, Влады-

¹⁾ №№ 70, 81 и 94; № 81 напечатанъ въ „Юбилейномъ сборнике въ честь В. Ф. Миллера“, подъ ред. Янчука, стр. 150.

²⁾ Латынская гора упоминается въ былинѣ о Калинѣ: Гильбердинѣ, № 105. Ср. вышеупомянутую „дорожку Латышику“.

³⁾ Тихонравовъ и Миллеръ, II, 114; здесь она названа также и Златогоркой

⁴⁾ Название Слатынгорки, въ записи, сдѣланной г. Григорьевымъ въ 1900 г., объясняется смѣшениемъ со Святогоромъ и Святыми горами.

⁵⁾ Сближеніе этихъ названий сдѣлано акад. Веселовскимъ: Сборникъ отд. Русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. XXXVI, № 3, стр. 337.

⁶⁾ Гильбердинѣ, №№ 226, 233 и 265. „Сиверная страна“ объясняется называниемъ Латыгорки въ этихъ былинахъ (а также въ № 219—Рыбник. III, 54) „Сиверянничвой“ (объясненіе этого имени я предлагаю далѣе); что же касается „Западныхъ странъ“, то, дѣйствительно, такъ называли прибалтійскія области. Въ повѣсти объ Александрѣ Невскомъ говорится, что смотрѣть за него приходилъ „како силеъ отъ Западныхъ странъ, иже нарицаются слугы Божіи, (т.-е. рыцарь Ливонскаго или Тевтонскаго ордена) именемъ Андріяша“. И. С. Р. Л. V, 2.

меркой, Владимиркой¹⁾. Что послѣднія двѣ формы явились путемъ осмысливанія первой, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; но для объясненія „Латымирки“ приходится построить гипотетическую форму *Семирка, съ опущеніемъ го = ho, чemu аналогіей могутъ служить формы: bla(го)словить, дай - (Го)споди²⁾, Б(ог)уславъ, Черни(го)въ - градъ³⁾, спасибо(гъ), фря(гъ). Семирка и Латыгорка, сопоставляемыя въ былинѣ рядомъ, могли дать Латымирку. Варіантъ этой гипотетической формы *Семерка (изъ *Семегорка), основанный на чередованіи и и е въ формахъ: Зимигола—Зимъгола, Semigallen—Semegallen⁴⁾, объяснялъ бы имя противника Ильи Муромца въ одномъ олонецкомъ пересказѣ—Семерчанинъ, по мѣстному говору и съ прибавлениемъ второго суффикса—Семерцяниновъ⁵⁾. Акад. Веселовскій⁶⁾ сопоставляетъ это название съ именемъ любовницы Муромца въ другихъ пересказахъ—Сиверьянична, при чемъ ф. „Семерцяниновъ“ считаетъ искаженіемъ ф. „Северцяниновъ“. Но въ такомъ случаѣ „баба“ оказалась бы „сѣверянкой“, жительницей русской области, что противно смыслу былины. Въ виду этого нужно думать, что Сѣверьянична была осмысленіемъ непонятной *Семерчанины, *Семерчанки (а можетъ быть и Семерчанина). Отъ названія племени Латыгора и челобѣка этого племени латыгоръ (ср. указанныя географич. названія Латыгорева и Лотыголь) могли произойти формы какъ латыгорка, такъ и латыгоринка⁷⁾. Къ послѣдней формѣ нужно возводить имя „бабы“ въ двухъ варіантахъ нашей былины, гдѣ она называется Горынинкой и Горыничанкой⁸⁾: въ длинномъ словѣ латыгоринка первая часть могла отпасть, а форма *горинка подпада вліянію словъ: Горынский, Горыничъ, Горынь. Проф. В. О. Миллеръ⁹⁾, сопоставляя часть былины со скиѳскимъ преданіемъ, при-

¹⁾ Рыбниковъ, I, 75; II, 345; Гильбердинъ, № 114.

²⁾ Въ пѣснѣ, записанной для Ричарда Джемса. Ср. искаженіе изъ „сухая глава“ въ „сухоямова“: Ждановъ, Русский былевой впосѣ, 240—1, 243.

³⁾ Бессоновъ, Калѣки перехожie, II, 460.

⁴⁾ Scriptores reg. Livon. I, 333; Scr. reg. Prussic. II, 854.

⁵⁾ Тихонравовъ и Миллеръ, II, 59.

⁶⁾ Журналъ Мин. Нар. Проис., ч. CCXLII, отд. II, 195.

⁷⁾ Первая—по образцу мордва—мордовка, чухна—чухонка; вторая—по образцу чудь—чудинка, русь—русишка, литва—литвинка.

⁸⁾ Кирсановскій, I, 11; Рыбниковъ, I, 65.

⁹⁾ Экскурсы, 120.

веденными у Геродота, сравнивает бабу Горынинку съ дѣвицей змѣй предавія; основаниемъ для такого сопоставленія служить то, что эпитетъ Горыничъ приданъ (въ былинѣ о змѣборствѣ Добрыни) змѣю и что, по одному пересказу, сынъ Ильи возить у стремени змѣю Горынскую¹⁾). Но противъ этого можно привести два соображенія: 1) „баба“ не называется Горыничной; 2) съ именемъ Горыни связывается не только змѣй: Горыновичемъ величаютъ уральские казаки родную рѣку Яикъ²⁾; есть рѣка Горынь, притокъ Припяти; въ сказкахъ встрѣчается великанъ Горыня, не имѣющій отношенія ни къ чему змѣиному³⁾; въ прошломъ вѣкѣ у малороссовъ было употребительно прозвище Гориня⁴⁾.

Что касается имени любовницы Ильи Муромца, то въ большинствѣ пересказовъ его вовсе нѣтъ. Въ трехъ пересказахъ⁵⁾ она носить эпическое имя „матерой вдовы“ Амельфы Тимофеевны; въ двухъ другихъ⁶⁾ находимъ то же стереотипное имя, лишь искаленное: Федосья и Марья Тимофеевна. Встрѣчаются и другія имена „бабы“—Авдотья, Маринка⁷⁾),—также весьма употребительный въ русскомъ эпосѣ. Съ какимъ произволомъ подставляли гѣвцы первое попавшееся имя для именования безыменной Латыгорки, показываетъ тотъ фактъ, что одинъ и тотъ же пѣвецъ, сообщая былину *Рыбникову* (I, 82) и *Гильбердину* (№ 46), въ первомъ случаѣ вставилъ имя Настасіи, а во второмъ—Натальи.

Чтобы покончить съ личностью любовницы Ильи Муромца, остается объяснить нѣсколько странное, необычное название ея „баба“, которое принадлежало основному изводу былины, такъ какъ оно встрѣчается въ пересказахъ: олонецкихъ, архангель-

¹⁾ Объясненіе этого странного образа, предложенное самимъ же В. О. Миллеромъ въ Этнографіи. Обозрѣніи, кн. XII (1892 г.), 119—20, устраиваетъ это основаніе, признавая змѣю горынскую у стремени случайнымъ придаткомъ былины. Акад. Веселовскій (оп. с., 315) называетъ этотъ придатокъ „нелѣвой амплификаціей“.

²⁾ Жемайтъ, Уральцы, изд. 2, т. I, 37. Ср. Сб. мат. для оп. м. и п. Кавк. VII, 119.

³⁾ Эрленгейнъ, Народныя сказки; В. Миллеръ, Очерки русской вар. словесности, 385.

⁴⁾ Костромскій Епарх. Вѣд. 1896, № 23, стр. 626.

⁵⁾ Кирьевскій, I, 52; IV, 12; запись г. Григорьева, № 26.

⁶⁾ Запись г. Григорьева, № 1 и 4.

⁷⁾ Рыбниковъ, I, 65; моя запись № 4.

скихъ и сибирскихъ¹⁾). Этотъ терминъ не могъ быть приложенъ къ ней въ смыслѣ замужней женщины, такъ какъ она въ сущности замужемъ не была (встрѣча ея съ Ильей была случайная), и въ нѣкоторыхъ вариантахъ прямо называется дѣвицей²⁾; смыслъ бабушки и повивальной бабки тоже къ ней не подходитъ. Остается одно старинное значеніе этого слова—ворожея, чародѣйка, волшебница³⁾). Такое значеніе, дѣйствительно, подходитъ къ иностранкѣ, сумѣвшей завлечь своими чарами старого казака, вообще неупадчиваго на женскую прелесть. Родившійся отъ такой связи сынъ воспринялъ отъ матери злобныя черты; онъ даже пытается убить своего родного отца, что ему не удается лишь въ силу христіанства Ильи: его спасаетъ громадный грудной крестъ, отъ котораго отскочило оружіе (стрѣла, копье, сабля, рогатина, палица, кинжалъ или ножъ) его сына. *Срезневскій*⁴⁾ сравниваетъ со значеніемъ бабы-ворожеи пословицу: надвое баба ворожила, и сказочныхъ бабу-барицу и бабу-ягу. Бабой-ягой названа и Латыгорка въ одной вставкѣ изъ нашей былины⁵⁾). Слѣдовательно, олонецкіе сказители именно такъ понимали типъ любовницы Ильи. Замѣтимъ, что нѣкоторыя (не совсѣмъ удобныя для печати) подробности битвы бабы Латынгорки съ Добройней⁶⁾ напоминаютъ собою продѣлки одной колдуньи въ 1648 г.⁷⁾.

Перехожу къ сыну Ильи Муромца. Чаще всего онъ называется Подсокольникомъ⁸⁾ и Сокольникомъ⁹⁾, при чемъ въ двухъ пере-

¹⁾ *Рыбниковъ*, I, 79; II, 349; *Гильфердинъ*, № 114; *Кирьевскій*, I, 11; IV, 17; мои записи, №№ 70, 81 и 94. Это название сохраняется во вставкахъ эпизодовъ изъ нашей былины: *Кир.* I, 64; *Гильф.* №№ 228, 290, 292.

²⁾ *Гильфердинъ*, №№ 219 (= *Рыбн.* III, 54), 226, 233 и 246; зап. г. Григорьева, № 8.

³⁾ *Срезневскій*, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, I, 35—7.

⁴⁾ Ор. с.

⁵⁾ *Гильфердинъ*, №№ 228, 290 и 292.

⁶⁾ Моя запись № 81, напечатанная въ „Юбилейномъ сборнике“; см. стр. 156, стихъ 411; стр. 158, строки 14 и 15 сверху.

⁷⁾ Этнографич. Обозрѣніе, кн. XLIII, 112. Впрочемъ, ср. подобный эпизодъ изъ монгольской сказки сборника Шидди-куръ: Этнографический Сборникъ, т. VI, 82.

⁸⁾ *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, II, 112; мои записи, №№ 4 и 70; зап. г. Григорьева, № 26.

⁹⁾ *Кирьевскій*, I, 52; IV, 12; *Рыбниковъ*, I, 75; II, 345; *Гильфердинъ*, № 114. Объясненіе „Соловникова“ (*Рыбн.* I, 81= *Гильф.*, № 46) предложено акад. *Веселовскимъ*, оп. с., 335.

сказахъ къ этому названию прибавлено пояснение—охотникъ. Но какъ понимать эти термины? Въ старыхъ памятникахъ (съ 1267 г.) слово сокольникъ употребляется въ двухъ значеніяхъ — охотника за птицами и промышленника, добывающаго соколовъ для ловли птицъ¹⁾. Былинный Сокольникъ ёдетъ по полю съ соколомъ на плечѣ и охотничьей собакой у стремени; следовательно, его нельзя понимать во второмъ смыслѣ. Ловцомъ птицъ является сынъ Ильи въ пересказахъ, называющихъ его „сокольникомъ“²⁾. Но почему большая часть архангельскихъ пересказовъ³⁾ именуетъ его *Подсокольничкомъ*? Нельзя видѣть здѣсь простое искаженіе первого названія, такъ какъ такое искаженіе невозможно вичѣмъ мотивировать. Эта форма напоминаетъ придворную должность *подсокольничаю*. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ подсокольничій⁴⁾ былъ непосредственнымъ начальникомъ надъ всѣми сокольниками, которыхъ, по свидѣтельству Котошихина, было около 100 человѣкъ; такъ какъ сокольники имѣли въ свою очередь помѣстья и вотчины, то должность ихъ начальника, несомнѣнно, была очень высокая. Такое же важное положеніе занимали въ Литовской землѣ сокольничіе⁵⁾: одного изъ нихъ Ягайлѣ ок. 1392 г. назначилъ намѣстникомъ въ Витебскъ⁶⁾. Не знаю, была ли въ Литвѣ долж-

¹⁾ Аристоф., Промышленность древней Руси, 5, 12—14; 17, прим. 39; 301. О „сокольникахъ“—промышленникахъ упоминаетъ былина о Чурилѣ: *Кирьевский*, IV, 80.

²⁾ Особенностью этихъ пересказовъ является болѣе сложное содержаніе: въ нихъ сынъ Ильи, прежде чѣмъ покуситься на его жизнь, убиваетъ свою матеръ. Этотъ эпизодъ, расующій первобытную жестокость дикаго литаинна, надо считать принадлежностью основного изгода былины. Акад. *Веселовскій* (оп. с., 819, 339) держится противоположнаго мнѣнія.

³⁾ Это званіе, замѣнившее собою прежній чинъ сокольничаго, упоминается въ спискѣ должностныхъ лицъ 1650 г. (*Кутеповъ*, Великокняжеская и царская охота на Руси, II, 267, 253). Его обязанности изложены въ „Урядникѣ сокольничья путѧ“.

⁴⁾ Первое извѣстіе о существованіи чина сокольничаго, начальника сокольниковъ, въ Московскому государствѣ относится ко времени Ивана III. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. V, гл. V, по второму изд. кн. I, 1516. Пѣвцы могли сдѣлать изъ (под)сокольничаго—(под)сокольника подобно тому, какъ Герберштейнъ называлъ окольничаго „окольникомъ“. *Ibid.*, гл. III, стр. 1678.

⁵⁾ Данилевичъ, Очеркъ исторіи Полоцкой земли, 175; Учен. зап. II отд. И. Акад. Наукъ, кн. I, отд. III, 39: „Король приказа градъ Витебскъ сокольничому своему Феодору Весне, а князю Швитригану тогда сущу младу. И вача

ность подсокольничаго, но характерная частица *под* входила въ термины для обозначения многихъ придворныхъ должностей въ Литовскомъ государствѣ: подскарбій, подкоморій, подчашій, подстолій¹⁾). Конечно, нельзя говорить положительно о должностномъ смыслѣ Подсокольничка, такъ какъ наличность въ Литвѣ самаго названія подсокольничаго подвержена сомнѣнію; но, вообще, о важномъ положеніи сына Ильи можно судить потому, что въ нѣкоторыхъ пересказахъ онъ называется царевичемъ, королевичемъ²⁾ или правителемъ какого-то приморского города³⁾.

Въ большинствѣ пересказовъ Сокольникъ, какъ и его мать, не носить никакого имени. Въ 4 пересказахъ⁴⁾ онъ называется Борисомъ; у Кирши Данилова къ этому имени прибавлено еще другое—Збутъ. Это имя не стоитъ одиноко въ нашемъ эпосѣ: въ одномъ пересказѣ былины о Хотынѣ⁵⁾ его отецъ названъ Збудомъ; въ одной сказкѣ, на мотивѣ Пушкинскаго царя Салтана, имя действующаго въ ней царевича Збуда Збудовича объясняется тѣмъ, что онъ „имѣлъ чудное свойство: чего пожелаетъ, то сейчасъ и сбудется“⁶⁾. Можно думать, что это имя попало въ Киршевскую запись изъ подобной сказки только по связи понятій царевича (въ сказкѣ) и королевича (въ былинѣ). Имена Сокольника въ другихъ пересказахъ носятъ также совершенно случайный характеръ; пѣвцы подставляли первое попавшееся имя: Петръ, Кузьма, Василій, Аполонище, Алеша *Дородовичъ*, *Михайло Долгомеровичъ*. Послѣднія имена обязаны своимъ появлениемъ, вѣдомъ Веспа владети градомъ Витебскомъ и всею землею Витебской со-ветомъ и указавиемъ короля Якимиа⁷⁾.

¹⁾ Бѣллесъ, Исторія Полоцка, 356, 425, 442, 443. Соответственные русскія должности были: ключникъ, постельничий, чашникъ и стольникъ.

²⁾ В. Миллеръ, Экскурсы, 121—5.

³⁾ Моя запись № 4.

⁴⁾ Кирьевскій, I, 7, 11; Рыбниковъ, I, 65; моя запись № 94. Илья бьется съ какимъ-то Борисомъ Ковдовымъ: Гир. I, 6; Борисомъ-королевичемъ овъ называетъ сеby въ одной былинѣ о первой поездкѣ: Тихонравовъ и Миллеръ, II, 2.

⁵⁾ Гильбердинъ, № 282.

⁶⁾ Этнографъ. Обозрѣніе, кн. VII, 150, прим. Въ Тверской губ. есть двѣ деревни, напоминающія это имя: Збудово Весьёгонскаго у. и Себудово—Старицаго (Тверская губернія. Списокъ населенныхъ мѣстъ, 93, № 2895; 441). Старые памятники не сохранили для насъ этого имени, но известно другое имя, повидимому, того же корня—Сбыславъ. См., напр., П. С. Р. Л. X, 78, прим.

роятно, аналогичной былинѣ о братьяхъ Дородовичахъ, одного изъ которыхъ зовутъ Михайломъ¹⁾.

До сихъ поръ я не упоминала о товарищахъ Ильи, которые стоять съ нимъ на заставѣ. Имена богатырей, которые упоминаются въ качествѣ товарищей Муромца, такъ разнообразны, самое ихъ упоминаніе настолько зависитъ отъ личныхъ симпатій пѣвцовъ и ихъ былинныхъ репертуаровъ, что нѣть возможности выдѣлить изъ богатырей тѣхъ, которые упоминались въ основномъ изводѣ былины. Но постояннымъ спутникомъ Ильи является Добрыня, которого онъ посыаетъ предварительно сразиться съ Сокольникомъ; при этомъ Добрыня пугается вида и крика богатыря и ёдетъ назадъ. Въ 5 пересказахъ²⁾ Илья посыаетъ еще Алешу Поповича, которого также пугаетъ Сокольникъ. Но введеніе этого третьяго лица нужно признать эпической амплификаціей, позднѣйшимъ сведеніемъ вмѣстѣ трехъ самыхъ популярныхъ богатырей, дѣйствующихъ вмѣстѣ во многихъ другихъ былинахъ; при томъ же о предварительномъ выѣздѣ противъ Сокольника *одного* Добрыни говорится въ громадномъ большинствѣ пересказовъ, именно въ 18. Дѣйствие Добрыни въ основномъ изводѣ былины³⁾ даетъ вѣкоторые данные относительно времени ея сложенія⁴⁾. Добрыня, какъ богатырь, пріуроченъ лѣтописью къ Липицкой битвѣ (1217 г.), при чёмъ въ хронографѣ начала XVI вѣка⁵⁾, въ Никоновской лѣтописи⁶⁾ и въ одномъ снодѣ, доведенномъ до 1533 г.

¹⁾ Гильфердингъ, №№ 247 и 252.

²⁾ Кирьевскій, I, 7, 46(=IV, 6). Рыбниковъ, I, 66=Гильфердингъ, № 77; Тихонравовъ и Миллеръ, II, 109; моя запись № 70.

³⁾ Что признаетъ и В. Ф. Миллеръ: Экскурсы, 138.

⁴⁾ Упоминаніе о тѣльномъ крестѣ Ильи, находящемся въ огромномъ большинствѣ пересказовъ, не даетъ опредѣленныхъ хронологическихъ указаний, такъ какъ такие кресты иошли еще въ XI и XII вв., о чёмъ свидѣтельствуетъ разсказъ о волхвахъ, помѣщенный въ лѣтописяхъ подъ 1071 г. У Ильи крестъ былъ золотой (Хир. I, 4, 6; Рыби. II, 351; Гильф., № 114; моя записи, № 4 и 70); ср. въ лѣтописи подъ 1147 г.: „крестъ и цепи въ гривну золота“. Срезневскій, оп. с., I, 1347.

⁵⁾ Востокова. Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго музеума, 751, гд. 195: у Константина Всеволодовича „два храбра: Добрыя Златый Поясь да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ“.

⁶⁾ П. С. Р. I. X, 70: „Съ нимъ же (ростовскимъ княземъ Константиномъ) бѣ и два храбра: Добрыя Златый поясь да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ, славны богатыри“.

и впослѣдствіи продолженномъ до 1680 г.¹⁾), онъ называлъ старымъ терминомъ „храбръ“. Въ т. и. Архангелогородскомъ лѣтописцѣ, доведенномъ до 1598 г., разсказъ о Добрынѣ и Александрѣ Поповичѣ подновленъ, и они называются здѣсь „богатырями“²⁾; составителями лѣтописнаго свода 1533 года выраженіе „два храбра“ было не понято, и изъ него они сдѣлали „два храбра мужа“; въ Никоновской лѣтописи также встрѣчаемъ добавленіе: „славныя богатыри“. Поэтому нужно думать, что это извѣстіе, варьировавшееся уже въ лѣтописяхъ XVI и XVII вв.³⁾, было занесено туда гораздо ранѣе, и въ такомъ случаѣ на него можно полагаться⁴⁾.

Но рязанскій⁵⁾ храбръ, сражавшійся въ дружинѣ ростовскаго князя за сторонѣ новгородцевъ, псковитянъ и смольянъ въ 1217 г., могъ попасть въ товарищи Ильи на литовскую пограничную заставу не ранье середины XIII вѣка. Приблизительныя хронологічныя даты даютъ лѣтописныя извѣстія о заставахъ и латыголѣ. О русскихъ заставахъ противъ литовцевъ говорится подъ 1205 и 1368 гг. Написаніе „латыгола“ встрѣчается въ русскихъ лѣтописяхъ подъ годами 1228, 1242 и 1341⁶⁾; въ русско-литовскихъ

1) Русскій Времянникъ, сирѣчь лѣтописецъ. М. 1820. I, 84: „Да были со княземъ Константиномъ два храбра мужа, Добрыня златый поясь да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопою“.

2) Лѣтописецъ (Архангелогородскій), содержащий въ себѣ россійскую исторію отъ 852 до 1598 г. М. 1781, стр. 55: „А были съ нимъ два богатыря: Добрыня Золотой поясь, да Александръ Поповичъ слугою съ Торопою“.

3) Составитель такъ называемой Тверской лѣтописи, жившій въ „веси Ростовскихъ областей“ и написавшій ее въ 1534 г., завѣсъ это извѣстіе въ выраженіяхъ, показывающихъ, что онъ пользовался какъ старой лѣтописью (пріуроченіе къ Липицкой битвѣ), такъ и современными ему извѣстными ростовскими сказаніями (Олешка Поповичъ--на первомъ мѣстѣ: „У князя же у Константина тогда баше въ полку два человѣка храбрыхъ: Олешка Поповичъ и человѣкъ его Торопъ, и Тимоша Золотой поясь“. П. С. Р. Л. XV, стр. V, 323; ср. 337. „2 богатыря“ и въ лѣтописи Крижевича: Кир. III).

4) Что же касается извѣстія о гибели Добрыни при Каляѣ въ 1224 г., то его маю считать прибавленіемъ самого составителя Никоновскаго свода, такъ какъ въ другихъ лѣтописяхъ не упоминается Добрыня въ числѣ погибшихъ богатырей, какъ и Тимоша, замѣнившій его въ Тверской лѣтописи.

5) Добрыня называетъ Рязаничемъ лишь въ Никоновской лѣтописи при разсказѣ о Липицкой и Калякской битвахъ: П. С. Р. Л. X, 72, 92.

6) П. С. Р. Л. IV, 55; V, 222; VII, 151; X, 228; XVI, подъ 1341 г.; Софійскій времянникъ, I, 258; Суздальская рукопись, 59; Новгородская лѣтопись по Синодальному списку, 227; Древнія лѣтописца часть первая. Спб. 1774, 168.

лѣтописяхъ о „латыголѣ“ упоминается до конца XIV в.¹⁾ Написание „латыгора“ относится къ 1229 и 1341 гг. Позднѣе XIV в. названія латыголы мы не находимъ ни въ русскихъ, ни въ литовскихъ лѣтописяхъ. Стрыковскій еще называетъ эту страну „Латка зеи Lotigola“ (1517 г.), но другой польской хронистъ Мартиасъ называетъ страну только „Lotwa“, жителей — „Lotwaczy“ (1552 г.²⁾). Въ русскихъ лѣтописяхъ уже подъ 1535 г. упоминается селеніе Латыгоша (въроятно, теперешняя Латышова, на югъ отъ Полоцка³⁾), указывающее на тоглашнее название латышей — латыги; въ актѣ 1565 г. находимъ современное название латышъ⁴⁾. Слѣдовательно, въ XV—XVI вв. название латыголы, такъ часто попадавшееся въ лѣтописяхъ XIII в. (подъ гг. 1200, 1228, 1242, 1264, 1286⁵⁾), совершенно исчезаетъ. Такимъ образомъ, название бабы-латыгорки указываетъ скорѣе всего на XIII вѣкъ. Что касается Семигорки, то является нѣкоторое затрудненіе: можетъ показаться страннымъ то, что слагателю нашей былины было известно название Зимиголы, племени, не упоминаемаго ни одной русской лѣтописью, кроме Начального свода. Но дѣло въ томъ, что столкновенія съ этимъ племенемъ могли быть лишь у сосѣдившихъ съ нимъ полочанъ⁶⁾. И дѣйствительно, составитель Начальной лѣтописи занесъ въ нее подъ 1106 г. извѣстіе о страшномъ пораженіи, которое понесли отъ Зимиголы дружины сыновей Всеслава Полоцкаго. Но полоцкой лѣтописи мы не знаемъ; извѣстія другихъ лѣтописей о Полоцкой области крайне скучны⁷⁾. Неудивительно, что они вонсе не упоминаютъ о дикомъ

¹⁾ Poniuki do dziejów Litewskich, Narbutt, 3 (до 1323 г.); Ученые зап. II Отд. И. Акад. Наукъ, кн. I, отд. III, 34 (1385 г.).

²⁾ Biedenslein, op. с., 28—9.

³⁾ Барсово, Очеркъ русской исторической географіи, изд. II, 43, 344. П. С. Р. Л. VIII, 288; Русская лѣтопись по Никонову списку, VI, 5. Латыгоша Свина (Могилевской губ.) и Осионецъ упомянуты въ качествѣ иѣсть Полоцкихъ, Нитебскихъ и Браславльскихъ (изъ з. отъ Полоцка).

⁴⁾ Нальерскій, Русско-литовские акты, 396.

⁵⁾ Къ указаннѣи списать можно присоединить: П. С. Р. Л. IV, 187; V, 12; LV, 350, 290, 384; Лѣтопись по Ипатскому списку, 590; Новгор. акт. по Синод. сп., 178, 227, 262; Нальерскій, op. с., 13, № XXV, в.

⁶⁾ О латыголѣ говорить почти исключительно лѣтописи Пскова и Новгорода, такъ какъ она сосѣдила именно съ ихъ областями и входила въ сношеніи только съ ними. Ср. П. С. Р. Л. IV, 183, прим. 3.

⁷⁾ Данилевичъ, op. с. стр. VII.

литовскомъ племени, жившемъ гдѣ-то далеко на лѣвомъ берегу З. Двины. Упоминавіе въ былинѣ этого племени показываетъ, что она возникла въ Полоцкой области, гдѣ и Латыгола, и Зимногола были хорошо извѣстны. Въ XIII в. терминъ „латына“ (былинная „Латынская дорога“) былъ вполвѣ опредѣленный для западной Руси, въ которой „латинскими гостями“ называли иностранныхъ купцовъ, ходившихъ по З. Двинѣ (договоры 1229 и 1265 гг. ¹). Если богатырская застава стояла на Двинѣ для защиты Полоцка отъ двухъ соседнихъ литовскихъ племенъ и если быль о боѣ Ильи съ сыномъ была сложена въ Полоцкой области, то время ея сложенія опредѣлить нетрудно: упоминаніе Добрыни не позволяетъ отнести это время ранѣе второй четверти XIII в., а между тѣмъ полоцкое княжество вошло въ составъ литовскихъ владѣній около половины этого столѣтія ²). Поэтому время возникновенія нашей былины относится къ послѣднимъ годамъ самостоятельности Полоцкой обл.

Приступая къ статьѣ, я ставилъ своей задачей только определить историко-бытовыя черты былины, позволяющія отнести ее къ извѣстной области и эпохѣ, и не задавался цѣлью прослѣдить происхожденіе ея сюжета. Но сдѣланные мною выводы наводятъ на нѣкоторые соображенія относительно пути, по которому пришелъ къ намъ весьма распространенный въ Европѣ и Азіи разсказъ о битвѣ отца съ сыномъ, не узнавшихъ другъ друга. Невольно является вопросъ, не пришелъ ли онъ по той самой „Латынской дорогѣ“, на которой стояла богатырская застава? Припомнимъ, что въ XIII в. Полоцкъ, Витебскъ и Смоленскъ заключаютъ цѣлый рядъ торговыхъ договоровъ съ Ригой, указывающихъ на интенсивныя сношения, которые вели русскія области съ о. Готландомъ, Любекомъ, Бременомъ и другими нѣмецкими городами черезъ З. Двину. Эти договоры неустанно повторяютъ, чтобы быть „отъ Смолѣнска чистый путь до Риги“, „смоленяномъ и рижаномъ, и всимъ нѣмчемъ, по Восточному морю ³) ходящимъ“, иначе „всему Латинскому языку и Руси“ ⁴). Въ первой половинѣ

¹) Припомнимъ, что расправа Ильи съ сыномъ происходит на берегу реки (Сафатъ, Сахатарь, Софа, Салеа, Ефратъ, Днѣпръ, Черниговка, Смородина).

²) Данилевичъ, оп. с., 135—6.

³) Т. е. по Балтийскому (Ostsee).

⁴) Напѣрскій, оп. с., 444, 452; Собрание Госуд. Грам. и Дог. II, 4. Ср. Данилевичъ, оп. с., 221.

XIII в. была сдѣлана запись позднѣйшей редакціи древне-немецкой сѣсіи о Гильдебрантѣ и Гадубрантѣ; къ этому же времени относится обработка этого сюжета, включенная въ скандинавскую Тыррексагу. Тогда же, нужно думать, сюжетъ боя отца съ сыномъ, обжившій Германію, Нидерланды, Данію и Скандинавскій полуостровъ, проникъ въ полоцкую область и здѣсь съ большою самостоятельностью (убійство матери сыномъ) былъ обработанъ въ мѣстную былину, рисующую отношенія русскихъ къ соудинымъ литовскимъ племенамъ¹⁾.

Въ заключеніе я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній относительно болѣй извѣстности Ильи Муромца въ западно-русскихъ областяхъ. Этого вопроса уже касался проф. В. О. Миллеръ²⁾. Онъ указалъ, что въ XVI в. „имя Ильи богатыря было широко извѣстно болѣорусскому населенію“. Истребленіе польско-литовскаго войска въ 1536 г. у города Себежа (лежавшаго на границѣ русскихъ поселеній съ Латыголой), дало поводъ пріурочить къ этому городу одинъ изъ подвиговъ Ильи передъ поникой Соловья-разбойника³⁾. Но разные пересказы послѣдней былины заставляютъ Илью выручать и другіе западные города: Смоленскъ⁴⁾, Крѣковъ⁵⁾. Пріуроченіе подвига Ильи къ Смоленску могло имѣть своей основой его осаду въ 1404 г., когда Витовтъ *три мѣсяца* стоялъ подъ

¹⁾ Митії о западномъ пути сюжета о боя отца съ сыномъ держатся акад. Веселовскій, (Южно-русскія былины, гл. IX). Трудно согласиться со словами Н. О. Миллера (Экскурсы, 143), что „нигдѣ у А. Н. Веселовскаго не проявляется мысль о заимствованіи сюжета о боя отца съ сыномъ“; такая мысль сама собой подразумѣвается: иначе, къ чему было бы такъ подробно останавливаться на германскихъ параллеляхъ къ нашей былинѣ?

²⁾ Очерки, 391—401.

³⁾ Iв., 396—7. Автору осталась неизвѣстна старая (1743 г.) запись этой былины, напечатанная въ „Живой Старинѣ“, г. IV (1894), вып. I, 80—82. Въ этомъ пересказѣ, особой редакціи, Илья освобождается также Себежъ. Въ виду того, что въ старыхъ записяхъ краткой редакціи „себежской“ (царь) называется въ „сибѣжской“ и „сибирской“, можно думать, что название того же города скрывается въ старыхъ записяхъ пространной редакціи въ написаніяхъ — „киберской“ (князь), киберской, кибирской, виберской⁶⁾ и въ новыхъ записяхъ подъ именемъ Бежегова, Бегелова, Бекешева, Бекетовца: Рыбниковъ, I, 46; III, 17, 25, прим.; Гильбердинъ, № 56.

⁴⁾ Рыбн. II, 323; Гильб., послѣ № 72. Ср. Кирьевскій I, 41, гдѣ Илья ѣдетъ въ Соловью черезъ Смоленскія грязи.

⁵⁾ Кир., IV, 4; Гильб., № 120.

городомъ, опустошилъ его окрестности, билъ его пушками, но взять не могъ и принужденъ былъ уйти въ Литву. Краковъ попалъ въ былину, вѣроятно, послѣ 1386 г., когда Литва соединилась съ Польшой и бывшая польская столица стала известна среди западно-русскихъ областей, подчиненныхъ Литвѣ. Замѣчательно, что одинъ изъ пересказовъ, упоминающихъ Краковъ, называется Соловья-разбойника „Алатырцемъ некрещенымъ“¹⁾. Послѣ всего сказанного о бабѣ Латыгоркѣ, нетрудно догадаться, что въ этомъ укорительномъ прозвищѣ надо видѣть латыша. Старинная форма этого названія — алатырецъ вмѣсто латыгорецъ — говорить за то, что былина о Соловѣ-разбойнике была известна въ Западной Руси еще въ XV или даже XIV столѣтіи. Наконецъ, первое прямое извѣстіе обь Ильѣ Муромцѣ (и Соловѣ-разбойнике) мы находимъ въ письмѣ оршанского старосты (1574 г.); следовательно, оно идетъ изъ той же русско-литовской области, которая входила одно время (до 1116 г.²⁾) въ составъ древней Полоцкой земли.

Эти соображенія, доказывающія былую извѣстность главнаго русскаго богатыря въ западно-русскихъ областяхъ, мнѣ кажется, несомнѣко подтверждаютъ мой выводъ о мѣстѣ возникновенія былины о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ.

Когда статья была уже набрана, мнѣ пришлось ознакомиться (лучше поздно, чѣмъ никогда) съ интересной статьей академика Веселовскаго: „Уголокъ русскаго эпоса въ сагѣ о Тидrekѣ Бернскомъ“, въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“ 1896, № 8. Въ т. н. „руссскомъ“ эпизодѣ саги авторъ видѣтъ отраженіе полоцкихъ историческихъ отношеній начала XIII в. Вальдемаръ, владѣтель Holmgard’а, Полоцка и Смоленска — не кто иной, какъ полоцкій князь Владимиръ, упоминаемый съ 1186 г. и скончавшійся въ 1215 (1216). Его братъ (отъ другой матери) Ilias, въ которомъ давно видѣли Илью Муромца, въ одномъ спискѣ саги называется „ярломъ изъ города Герсеке (af Gerseke-borg), родичемъ Владимира-конунга“. Этому списку авторъ придастъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о резиденціи Иліаса: онъ былъ

¹⁾ Кирѣевскій. IV, 2.

²⁾ Данилевичъ. ор. с. 20.

ярломъ въ Герцикѣ, городѣ, лежавшемъ на правомъ берегу З. Двины, на 52 версты ниже Динабурга (ср. Археологич. изв. и замѣтки 1895, № 2—3, с. 50—1). „Судя по аналогії, остроумно замѣчаетъ авторъ, Smalenseke = Смоленскъ, Plosceke = Полоцкъ, Gerseke предполагаетъ форму *Грѣцкъ“. Далѣе онъ приводитъ извѣстіе объ изгнаніи полоцкихъ князей смоленскими княземъ Мстиславомъ „въ Грѣкы“, съ обычной осторожностью ограничиваючись предположеніемъ объ изгнаніи ихъ на западъ отъ Полоцка, гдѣ была Герцика и гдѣ теперь мѣстечко Царьградъ (Витебской губ.). Съ конца XII в. обнаруживается связь Смоленска съ Полоцкой землей, завершившаяся взятиемъ Полоцка смольянами въ 1222 г.; этой связью авторъ объясняетъ взглядъ составителя саги на принадлежность обоихъ городовъ одному Владимиру. Затѣмъ авторъ приводитъ историческія свидѣтельства объ общеніи германского міра съ русскими областями черезъ Двину и заключаетъ отсюда о взаимодѣйствіи этихъ національностей въ области поэзіи. Особенно интересно въ этихъ замѣчаніяхъ пріуроченіе Иліаса къ Герцикѣ и къ той части Полоцкаго княжества, которую лѣтопись называетъ „Грѣки“; вѣроятно, это была Герцикская волость, и ее-то германскія саги и называли Greka, Greke, Grekana land, Gricland. Устье Двины для германского міра было „путемъ въ Греки“ и рано могло получить это название, воспринятое потомъ русскими. Такое предположеніе примирило бы три западно-европейскихъ свидѣтельства объ Ильѣ: онъ былъ изъ г. Гредка (von Gerseka-borg), находившагося въ русской области (von Riuzen), которая называлась Греками (af Greka). Замѣтимъ, что и Але-бранть, соотвѣтствующій Сокольнику нашей былины въ той ре-дакціи пѣсни о бояѣ отца съ сыномъ, которая относится къ первой половинѣ XIII в., — родомъ изъ Греціи, т. е. оттуда же, гдѣ былъ ярлъ Ilias. Если Тидрексага такъ хорошо знаетъ западно-русскія отношенія (по мнѣнію акад. Веселовскаго), то можетъ быть поставленъ вопросъ: не соотвѣтствуетъ ли ея упоминаніе о герцикскомъ ярлѣ дѣйствительности? Извѣстно, что между 1205 и 1225 гг. въ Герцикѣ княжилъ Всеволодъ (Wissemolodus rex de Gercike); въ 1229 смоленскій князь прогналъ полоцкихъ князей въ Герцикскую волость; въ 1239 г. о Герцикѣ упоминается только какъ о „мѣстѣ, гдѣ было укрѣпленіе“; она уже принадлежитъ рижскому епископу, который отдаетъ половину ея волости Тев-

тонскому ордену. Если Elygas, Ilias, Igor отвѣчаютъ дѣйствительному герціскому воеводѣ (а не князю—гех—каковымъ быль Всеволодъ), то онъ могъ владѣть ею только послѣ 1225 г. Эти факты, въ связи съ временемъ составленія саги—въ половинѣ XIII в., могутъ поставить до извѣстной степени въ хронологической рамкѣ разсказъ саги о томъ, что герціскій ярль *покорилъ* Аттилѣ и быль поставленъ вееводою надъ Русскимъ царствомъ.

Но что же изъ всего сказанного сохранила намъ былина о боѣ Ильи съ сыномъ? Несомнѣнно, она указываетъ на границу русскихъ поселеній съ Лотыголой и Зимиголой: именно такимъ пунктомъ была Герціская волость, заключавшая въ себѣ значительную часть первой и меньшую—второй; о сношевіяхъ русскихъ съ литовскими племенами свидѣтельствуетъ извѣстіе Генриха Латыша о томъ, что Всеволодъ герціскій быль женатъ ва дочери литвина Даугеруте (подъ 1213 г.). Затѣмъ, название Ilias'а ярломъ, воеводой, соотвѣтствуетъ названію Ильи Муромца въ двухъ моихъ записяхъ (№ 4 и 70) „стариньшиной“, т. е. старѣйшиной (ср. название Ильи у *Кирьевскаю*, I, 18, 92, 30: старшинушка, старѣйшій казакъ, воевода—„грудь воеводская“). Старѣйшинами назывались именно княжеские намѣстники въ городахъ, посадники, впослѣдствіи извѣстные подъ именемъ воеводъ. Что старѣйшинами бывали родственники (въ сагѣ ярль—blutfreund, fraendi князю Владимиру) князей, видно изъ Слова о Басаргѣ, сынъ котораго „по преставленіи своемъ приказа царство свое правити брату своему Кирьяку Димитревичю, а старѣйшинство приказа лядѣ своему Василью Кудрявому“. (Пыпинъ, Очеркъ лит. ист. повѣстей и сказокъ, 96—7). Выводы, къ которымъ пришелъ акад. Веселовскій, ставить виѣ всякаго сомнѣвія полоцкое происхожденіе былины о боѣ Ильи съ сыномъ и ея возникновеніе въ первой половинѣ XIII в., давая примѣръ того, какъ изученія вопроса, начатыя съ противоположныхъ его концовъ, могутъ привести къ однимъ и тѣмъ же результатамъ.

А. Марковъ.